

Северокорейское чудо: 30 лет выживания в условиях кризиса и изоляции

Андрей Николаевич Ланьков, Университет Кукмин, Сеул, Республика Корея

Контактный адрес: andreilankov@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются факторы, которые позволили северокорейскому режиму семьи Ким сохранять власть на протяжении десятилетий в исключительно неблагоприятных условиях.

В современной политологии принято считать, что авторитарный режим сталкивается с тремя видами угроз: угрозой элитного заговора, угрозой массового выступления и угрозой внешнего вторжения. В статье демонстрируется, что в случае с КНДР, которая является частью разделенной страны, потенциальная угроза массового выступления выше, чем в большинстве авторитарных режимов, однако властям удается ее нейтрализовать с помощью политики информационной самоизоляции, дополненной мерами административно-полицейского контроля. С другой стороны, существующая угроза поглощения бедного Севера богатым Югом во многом обеспечивает единство элит и снижает вероятность возникновения заговоров, которые статистически являются главной опасностью для современной автократии. Элиты понимают, что даже успешный переворот может спровоцировать коллапс северокорейской государственности, после которого у представителей нынешней элиты будет мало шансов сохранить свою власть и привилегии. На единство элиты работают также и историко-культурные факторы. Наконец, угроза внешнего вторжения (или же внешнего вмешательства во внутривнутриполитический кризис) успешно нейтрализуется путем создания собственного потенциала ядерного сдерживания. Северокорейское руководство и, шире, элита в целом существуют в условиях экзистенциальной угрозы, созданной расколом страны и феноменальным экономическим успехом Юга, поэтому ради обеспечения политической стабильности элита готова жертвовать перспективами экономического развития. Вдобавок в рамках существующей системы руководство северокорейской автократии может во многом игнорировать настроения масс. Все это создает ситуацию, в которой власть может поддерживать стабильность в течение долгого времени и в самых неблагоприятных условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

авторитаризм, стабильность режима, Северная Корея, Ким Чен Ын, КНДР, ядерное оружие, сдерживание

21 октября 1994 г. в Женеве было подписано так называемое «Рамочное соглашение», которое положило конец кризису в отношениях между КНДР и США, в более широком смысле – в отношениях между КНДР и внешним миром. В соответствии с этой договоренностью КНДР соглашалась поставить под международный контроль свой ядерный исследовательский центр, остановить имеющийся реактор-наработчик оружейного плутония и прекратить ряд исследовательских программ, направленных на разработку ядерного оружия. В обмен Северной Корее была обещана постройка двух реакторов на легкой воде, а до окончания работ по их возведению – бесплатные поставки сырой нефти в объеме 500 тыс. тонн в год. Реализация этих проектов должна была оплачиваться международным консорциумом *KED*, решающую роль в финансировании которого играли США, Южная Корея и Япония¹.

Многие наблюдатели считают, что США пошли на заключение этого соглашения, которое многие с самого начала считали невыгодным для США и их союзников, только потому, что были уверены: «Рамочное соглашение», скорее всего, не придется выполнять полностью². В конце 1994 г. не только в Вашингтоне, но и в иных мировых столицах преобладала уверенность в том, что северокорейский режим доживает последние годы и что его скоро постигнет та же судьба, которая постигла и построенные по советскому образцу режимы Восточной Европы, и сам Советский Союз. Мало кто сомневался тогда в том, что падение режима и объединение Кореи по германскому образцу – дело недалекого будущего³.

Однако дальнейшие события показали, что подобные представления были необоснованными. Два десятилетия, которые последовали за распадом социалистического блока, действительно стали для Северной Кореи десятилетием экономической катастрофы и международной изоляции. Тем не менее ни экономическая катастрофа, ни массовый голод, ни международная изоляция не привели к падению режима. Более того, сейчас, в 2021 г., нет веских оснований предполагать, что режим семьи Ким уйдет с исторической сцены в обозримом будущем.

В чем секрет той необычной устойчивости, которую продемонстрировал режим семьи Ким? В данной статье мы рассмотрим факторы, которые сделали возможной его неожиданную стабильность. Мы продемонстрируем, в частности, что многие из особенностей социально-политической системы КНДР, которые в начале 1990-х гг. воспринимались как ее слабые стороны, в действительности внесли немалый вклад в способность этой системы выживать в максимально неблагоприятных условиях.

Вопросы стабильности авторитарных режимов в современных исследованиях

Вопросы стабильности авторитарных режимов давно привлекали внимание исследователей, но после 2000 г. в науке произошло очевидное усиление интереса к этой проблематике. Во многом это объясняется тем, что некогда пред-

1 Kihl 1997.

2 McCormack 2004, 156.

3 Lim 2004.

сказанный Ф. Фукуямой «конец истории», то есть полный и всемирный триумф либеральной демократии, сорвался или по меньшей мере оказался отложенным на неопределенный срок. К настоящему времени многим стало ясно: несмотря ни на что, авторитарные режимы в обозримом будущем не только сохранятся, но и будут играть немалую роль в международной политике.

В обширной литературе, посвященной вопросам стабильности автократий, содержится немало наблюдений, которые, как будет показано далее, применимы и к реалиям КНДР. При всей своей специфике, которой в основном и посвящена данная статья, КНДР является лишь одной из многих автократий нашей планеты, так что проблемы и угрозы, с которыми имеют дело ее руководители, отнюдь не уникальны.

Относится это в том числе и к тем угрозам своему политическому и физическому выживанию, с которыми имеет дело руководство КНДР. Г. Таллок, один из первых экономистов, который стал изучать проблему стабильности автократий, еще в восьмидесятые годы составил перечень основных опасностей, которым подвергаются такие режимы. По его мнению, авторитарный режим сталкивается с тремя видами угроз: во-первых, угрозой переворота или заговора, организованного элитой; во-вторых, с угрозой внешнего вторжения; в-третьих, с угрозой массового революционного выступления снизу¹. Представление об этой «триаде угроз» стало классическим, и настоящая статья также построена по предложенной Г. Таллоком схеме – автор рассматривает, до какой степени каждая из этих трех угроз актуальна для КНДР и какими методами эта угроза нейтрализуется (а также то, почему в конкретных условиях КНДР эти методы оказались столь эффективными).

Уже в работах Г. Таллока был высказан тезис о том, что главной из трех угроз для авторитарного правителя является угроза со стороны элиты². Сейчас справедливость этого тезиса убедительно доказана на эмпирическом материале, и до некоторой степени сам тезис стал общепринятым. Э. Франц и Н. Эзроу, авторы одного из наиболее авторитетных исследований по политике авторитарных режимов, замечают, что авторитарные лидеры «куда чаще, чем членами оппозиционных групп, свергаются представителями их собственного внутреннего круга»³. По подсчетам М. Сволика, среди 303 авторитарных правителей, которые были отстранены от власти в период с 1945 по 2002 г., 205 правителей стали жертвой верхушечного заговора или переворота, в то время как лишь 30 правителей потеряли власть в результате революционных выступлений социальных низов⁴.

При рассмотрении механизмов стабильности северокорейского режима имеет смысл также учесть наблюдения Ж. Лашапеля и его коллег, которые в своей недавней статье обратили внимание на феномен «аномальной стабильности» таких авторитарных режимов, которые своими историческими корнями восходят к массовым революционным движениям и сформировались в условиях жесткого внешнего и внутреннего конфликта. Революция и конфликт на на-

1 Tullock 1987, 9–10.

2 Ibid., 10, 35.

3 Frantz, Ezrow 2011, 84.

4 Svolik 2009, 477–478.

чальном этапе истории режима ведут к формированию таких его особенностей, как: 1) сплоченность правящей элиты; 2) идеологическая надежность вооруженных сил; 3) эффективный аппарат принуждения; 4) отсутствие альтернативных центров политического влияния¹. Как мы считаем, революционная предыстория северокорейского режима в сочетании (что немаловажно!) с некоторыми социально-культурными особенностями восточноазиатского «конфуцианского»² (в терминах С. Хантингтона) мира во многом сформировала те условия, в которых северокорейская элита смогла создать и поддерживать в рабочем состоянии эффективную систему идеологического и политического контроля над населением.

Интерес для нашего исследования представляют также работы С. Гуриева и Д. Трейсмана³. Эти работы посвящены в первую очередь особенностям современных «мягких» диктатур и «гибридных режимов», к числу которых КНДР – авторитария «старого типа» – заведомо не относится. Тем не менее в своих работах С. Гуриев и Д. Трейсман подчеркивают важное для нас обстоятельство – ту роль, которую в сохранении стабильности авторитарного режима играет контроль над информацией. Сочетание цензуры и умелой пропаганды позволяет убедить население в том, что режим и его руководитель отличаются высоким уровнем компетентности. При этом С. Гуриев и Д. Трейсман отмечают, что подобная пропаганда направлена в первую очередь на непривилегированные массы, в то время как элиты, как правило, имеют куда более адекватное представление о реальной ситуации, что вынуждает режим работать с ними, используя иные методы. Данные наблюдения, как будет показано ниже, вполне применимы к некоторым аспектам ситуации в Северной Корее, при том что по ряду иных параметров эта страна радикально отличается от тех режимов, которые изучают С. Гуриев и Д. Трейсман.

Однако основное внимание в данной работе будет уделено не общему, а специфическому. Мы сконцентрируемся на том, какие внешние и внутренние обстоятельства делают северокорейский режим столь стабильным и позволяют ему успешно противостоять «триаде угроз», выделенной Г. Таллоком.

Разделенная страна: огни Сеула

Хотя, как уже говорилось выше, в политической социологии давно утвердилась мысль о том, что основная угроза для авторитарного режима исходит от элиты, специфика ситуации в КНДР повышает вероятность «низового» народного выступления. Специфика эта определяется тем, что Северная Корея является частью разделенной страны.

К 1945 г. бóльшая часть промышленности колониальной Кореи располагалась на нынешней территории Севера, в то время как Южная Корея, наобо-

1 Lachapelle et al. 2020, 557–600.

2 Термин «конфуцианский» характеризует страны и общества, в которых до 1850–1900 гг. наблюдались следующие черты: использование древнекитайского языка как главного или единственного языка администрации и высокой культуры; ориентация в организации государственного аппарата на образцы Китая (чаще всего – времен династий Хань и Тан); доминирование в религиозной жизни конфуцианства и китайского варианта буддизма; экономика, основанная на интенсивном сельскохозяйственном производстве, часто – рисовом.

3 Guriev, Treisman 2015; 2019.

рот, являлась тогда аграрным районом. В последующие десятилетия ситуация изменилась самым радикальным образом. Даже если верить собственным северокорейским оценкам, которые власти КНДР периодически в закрытом порядке передают иностранным специалистам, в 2017 г. номинальный душевой доход в Северной Корее составлял 1214 долларов США (эта цифра, скорее всего, завышена)¹. Поскольку в 2019 г. номинальный душевой доход в Республике Корея оценивался в 33790 долларов США², это означает, что по этому важнейшему макроэкономическому показателю между Северной и Южной Кореей существует 27-кратный разрыв – самый большой разрыв, который существует в мире между двумя государствами, имеющими общую сухопутную границу.

Положение КНДР принципиально отличается от, скажем, положения Китая. Успех Южной Кореи – это успех не просто соседней страны, а страны, населенной тем же этносом, людьми, которые в северокорейском официальном дискурсе считаются частью той же самой «общекорейской» нации³. Население Китая хорошо осведомлено об экономическом процветании Японии или США, но это очевидное процветание не может быть воспринято большинством китайцев как признак некомпетентности существующего в Китае политического режима: США и Япония являются зарубежными государствами, которые отличаются от Китая и историей, и географией, и культурой. При том, что формально Китай является разделенной страной, гигантский дисбаланс между «материковым» Китаем и Тайванем означает, что его успех относительно малозначим для судеб Китая. В случае же с двумя корейскими государствами успех некогда отсталой Южной Кореи будет наверняка воспринят как подтверждение того, что выбранная руководством КНДР еще в 1960-е гг. стратегия экономического и политического развития оказалась глубоко неудачной.

В случае с СССР и Восточной Европой в период 1960–1990 гг. именно демонстрационный эффект, производимый явным превосходством стран Запада в уровне жизни (и в меньшей степени – в вопросах индивидуальных и политических свобод), оказывал на население социалистических государств немалое воздействие, неуклонно размывая ту поддержку, которой на ранних этапах своей истории пользовались существовавшие там политические режимы.

Руководство СССР и государств Восточной Европы по ряду культурных, политических и технических причин не могло в годы холодной войны проводить политику самоизоляции с такой же жесткостью, с которой ее проводят в Северной Корее. Кроме того, советское руководство было уверено в своей способности держать ситуацию под контролем. Для северокорейской элиты, однако, очевидно, что само существование успешной и этнически близкой Южной Кореи создает угрозу политической стабильности в КНДР – и опыт Восточной Европы (в первую очередь – Германии) напоминает, что эта опасность реальна.

1 "North Korea's economy grows 3.7% in 2017," Kyodo News, October 12, 2018, accessed July 17, 2021, <https://english.kyodonews.net/news/2018/10/46a852b7c627-n-koreas-economy-grows-37-in-2017-professor.html>.

2 "Korea," World Bank Data, accessed July 17, 2021, <https://data.worldbank.org/country/korea-rep?view=chart>.

3 광명백과사전 2009, 234–256.

Разделенная страна: страхи и единство элиты

С точки зрения высшего руководства КНДР существование Южной Кореи является не только негативным, но и позитивным фактором. Парадоксальным образом оно вносит немалый вклад в дело обеспечения внутреннего единства северокорейской элиты, а именно: недовольство элиты, как уже говорилось выше, в последние 75 лет является главной опасностью для авторитарных режимов.

Существование Южной Кореи означает, что заметная часть северокорейской элиты уверена: сохранение существующего режима является необходимым условием для сохранения их власти и привилегий (а возможно – также свободы и жизни). Связано это с тем, что одним из наиболее вероятных исходов возможного кризиса в Северной Корее является объединение страны по германскому образцу. О том, что это осознается элитой, отчасти свидетельствует то обстоятельство (известное автору и из личного опыта, и из опыта коллег), что во время конфиденциальных разговоров с северокорейскими чиновниками, включая дипломатов и сотрудников спецслужб, они очень часто задают вопросы о том, как сложились судьбы восточногерманской партийно-государственной номенклатуры после объединения страны. Если в силу ослабления административно-полицейского и идеологического контроля большинство населения КНДР станет меньше опасаться наказания за политически неподобающее поведение, а также получит больше доступа к информации о жизни в Южной Корее, то существует большая вероятность того, что значительная часть северокорейцев поведет себя так же, как повели себя жители Восточной Германии: начнут требовать скорейшего объединения с Югом, исходя из того, что это объединение обеспечит им уровень жизни, сходный с южнокорейским. Противостоять подобному давлению властям будет непросто.

В большинстве стран Восточной Европы и бывшего СССР падение коммунистических режимов не привело к радикальным изменениям в персональном составе элиты. По большому счету, бывшая партийно-государственная номенклатура в этих странах легко отбросила марксистско-ленинскую риторику и объявила себя националистами или демократами (в зависимости от страны и ситуации), сохранив при этом политическую власть или же использовав эту власть для приобретения собственности. В результате во многих случаях (экс)номенклатура даже увеличила свои доходы и привилегии¹.

Однако подобный сценарий, стандартный для большинства стран бывшего социалистического содружества, в КНДР представляется невозможным. Точнее говоря, этот сценарий возможен только в том маловероятном случае, если падение режима семейства Ким не приведет к ликвидации северокорейской государственности. Однако в силу упомянутой выше потенциальной притягательности Юга падение режима с большой вероятностью спровоцирует объединение страны на южнокорейских условиях, то есть фактически приведет к поглощению бедного Севера сильным, богатым и многонаселенным Югом. При таком повороте событий северокорейская номенклатура неизбежно будет оттеснена и от власти,

1 King, Szelenyi 2005, 205–229.

и от собственности. Более того, существует вероятность того, что на номенклатуру будет возложена ответственность за все те проблемы, преступления и трагедии, которыми была отмечена история Северной Кореи.

В этой обстановке северокорейская правящая элита, численность которой можно оценить в несколько сот тысяч человек, понимает, что нестабильность – неизбежный результат даже успешного заговора или переворота – может привести к катастрофе. Даже те из членов элиты, которые по многим вопросам не согласны с нынешним руководством страны, имеют все основания для того, чтобы «не раскачивать лодку»: если эта «лодка» северокорейской государственности в результате перевернется, то в пучине пропадут представители всех группировок нынешней элиты. Это обстоятельство заставляет элиту проявлять крайнюю осторожность и существенно снижает вероятность того, что какие-то из ее группировок решатся на переворот или заговор – ведь даже успешный переворот может спровоцировать нестабильность, которая с большой вероятностью закончится реализацией в Корею «германского сценария».

Правда, сейчас в КНДР помимо старой номенклатуры существует и новая элита. В последние два-три десятилетия в стране возник новый экономический уклад – квазикапиталистическая экономика, существование которой открыто не признается, но с которой на практике государство обычно мирится и даже взаимодействует. В результате в стране сформировался новый класс полулегальной буржуазии, в руках у которого сосредоточены немалые средства¹.

В большинстве случаев подразумевается, что представители теневой буржуазии (условно говоря, «цеховики») в социалистических странах заинтересованы в падении существующего режима, так как устранение государственного социализма (или его остатков) освободит их от многочисленных ограничений, препятствующих частнопредпринимательской деятельности. Однако северокорейские предприниматели, насколько автор этих строк может судить и по опыту личного общения с ними, в своей массе вовсе не приветствуют идею революционных перемен.

Во-первых, все средние и крупные предприниматели в КНДР глубоко интегрированы в существующие государственные структуры. Продвинуться выше определенного уровня северокорейский предприниматель может только в том случае, если у него сложились отношения с государственными органами. Предприниматели могут заниматься своей деятельностью постольку, поскольку они тесно связаны с номенклатурой, пользуются ее покровительством и систематически это покровительство оплачивают, а в большинстве случаев – и формально регистрируют свои предприятия как государственную собственность². Падение существующей системы не соответствует их интересам, ибо у них нет уверенности в том, что им удастся встроиться в иную систему.

Во-вторых, северокорейский бизнес в случае объединения страны будет не в состоянии конкурировать с крупным южнокорейским капиталом, который при таком повороте событий, разумеется, придет на северокорейский рынок и мгновенно

1 Kim 2017.

2 Lankov, Ward 2017; 양문수, 윤인주 2016.

займет там доминирующие позиции. Самые богатые предприниматели в КНДР имеют в своем распоряжении оборотный капитал, измеряемый сотнями тысяч или (максимально) несколькими миллионами долларов. Для страны, где среднедушевой национальный доход составляет 1200 долларов, это, разумеется, огромные суммы. Однако эти суммы не выдерживают никакого сравнения с тем капиталом, который мог бы прийти с Юга. Кроме этого, у южнокорейских предпринимателей есть и соответствующие связи, и опыт. В случае объединения страны у нынешних теневых предпринимателей и цеховиков (их в Северной Корее называют *тончжу*, то есть «владыки денег») нет шансов на то, чтобы успешно конкурировать с южнокорейскими компаниями – и многие из них осознают это обстоятельство.

Неоднократно подчеркивалось, что для любого государства вопросы выживания являются абсолютно приоритетными и, следовательно, более важными, чем вопросы процветания. Такой взгляд с максимальной определенностью высказывали, в частности, Дж. Миршаймер, К. Уолтц и другие классики неореалистической школы¹. Однако в случае с Северной Кореей вопрос выживания стоит с необычной для нашего времени остротой. Когда о «выживании» говорит даже такой классик реалистической школы, как Дж. Миршаймер, он определяет его как «сохранение территориальной целостности и автономии внутривнутриполитического устройства»². Действительно, в современном мире редко встречается ситуация, когда государству грозит полное поглощение, а его элите, включая и ее нижние слои, – полное отстранение от власти. Однако в КНДР элита сталкивается именно с этой угрозой. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что экзистенциальную угрозу Северу создает не сознательно проводимая Сеулом политика, а сам факт существования богатого Юга.

Таким образом, северокорейская элита постоянно сталкивается с угрозой такого уровня, который крайне редко встречается в современном мире. В большинстве случаев революционные перемены не затрагивают персонального состава средних и нижних слоев элиты: вне зависимости от того, кто окажется у власти в столице, командир танкового батальона останется командиром танкового батальона, а начальник уездного уголовного розыска – начальником уездного уголовного розыска (о том, что подавляющему большинству владельцев супермаркетов и автомастерских мало что грозит, не стоит и говорить). В Северной Корее дела обстоят иначе: не только «верхние 0,1%», но и вся элита в целом имеет веские основания считать, что кризис – или, если хотите, революция – лишат их всего.

Таким образом, наличие южнокорейской угрозы (которую, повторим, создает не проводимая Сеулом политика, а *сам факт существования Южной Кореи*) существенно повышает вероятность народного выступления. С другой стороны, оно существенно снижает вероятность элитного заговора, который, как говорилось выше, в исследовательской литературе считается самой распространенной из тех угроз, с которыми сталкивается авторитарный режим. В условиях, когда рациональные опасения за свое будущее объединяют все группировки и слои элиты, исходящая от нее угроза режиму ощутимо снижается.

1 Waltz 1979, 91–92; Mearsheimer 2001, 31.

2 Mearsheimer 2001, 31.

Факторы стабильности: эффективный административно-полицейский контроль

Когда речь идет о причинах, по которым северокорейская элита сумела сохранить свое господствующее положение, обычно речь заходит о полицейском контроле. Однако подобное представление во многом упрощает картину. Безусловно, способность режима контролировать население и его готовность к репрессиям сыграла большую роль в его выживании, но эта его способность не является ни единственным, ни даже главным фактором успеха. Тем не менее отрицать роль административно-полицейского контроля не следует.

С начала 1960-х гг. в КНДР население контролировали куда жестче, чем в большинстве стран социалистического содружества. Как уже говорилось выше, мы согласны с Ж. Лашапелем и его коллегами, которые считают, что для режимов, которые являются продуктами массового революционного движения, характерны, помимо всего прочего, высокая сплоченность правящей элиты, наличие эффективного аппарата принуждения и отсутствие альтернативных центров влияния¹. Эти особенности делают возможным создание исключительно эффективной системы контроля над населением.

С 1960-х гг. любой совершеннолетний гражданин КНДР по месту работы или учебы в обязательном порядке прикреплен к определенной «общественно-политической организации» (партийной, молодежной, профсоюзной, женской и т.д.), в которой и ведет так называемую «организационную жизнь». «Организационная жизнь» предусматривает участие в регулярных (2–4 раза в неделю) политзанятиях и иных мероприятиях, в том числе и в еженедельных собраниях самокритики, на которых он должен «выступить с самокритикой», то есть отчитаться о совершенных им на протяжении предшествующей недели прегрешениях². По месту жительства жизнь граждан КНДР контролируется так называемой «народной группой» – группой взаимного контроля, в состав которой входят от 15 до 40 семей, живущих в одном квартале или в одном подъезде. Ответственный за эту группу чиновник обязан проводить периодические проверки находящихся в ее подчинении домов (начальниками «народной группы» всегда являются женщины). Кроме того, полиция и иные государственные органы проводят внезапные ночные обыски-проверки всех домохозяйств той или иной «народной группы»³.

Помимо постоянного контроля над словами и действиями практически всего населения страны существующая система также не допускает возникновения горизонтальных социальных связей и неформальных организаций, которые могли бы стать ядром политического движения. Любая общественная деятельность, даже самая безобидная, возможна только в рамках той или иной «организации» и находится под постоянным контролем.

1 Lachapelle et al. 2020.

2 Lankov et al. 2012.

3 채경희 2008.

Факторы стабильности: политика самоизоляции

Как уже говорилось выше, существование экономически успешной Южной Кореи представляет собой потенциально дестабилизирующий фактор, нейтрализация которого является необходимым условием сохранения политической стабильности. В КНДР проводится в жизнь целый комплекс мер, направленных на нейтрализацию негативного влияния, которое могут оказать сведения об уровне и стиле жизни в «другой Корее» на состояние умов в стране, однако решающую роль играет политика самоизоляции. Иначе говоря, северокорейское государство, имея в своем распоряжении необычайно эффективный для такой бедной страны административно-полицейский аппарат, использует его для того, чтобы максимально ограничить распространение в стране нецензурированной информации о внешнем мире.

Политика самоизоляции в Северной Корее осуществляется с начала 1960-х гг., то есть со времен кризиса в советско-северокорейских отношениях. На первых этапах эта политика была направлена против распространения в КНДР информации о советской модели социализма, которая тогда была потенциально привлекательна для заметной части населения страны. Однако по мере того как Южная Корея богатела, главные задачи этой политики менялись, и после 1975 г. она направлена в первую очередь на то, чтобы предотвратить распространение информации о Юге.

Около 1960 г. студенты из КНДР, обучавшиеся в СССР и иных социалистических странах, были отозваны на родину, после чего отправка студентов за границу практически прекратилась (ее возобновили в конце 1970-х гг., но в куда более скромных масштабах). Частные поездки за границу были фактически запрещены до конца 1990-х гг., хотя в настоящее время в ограниченном объеме разрешаются поездки в Китай. Одновременно с этим было запрещено ведение переписки с родными и знакомыми, проживающими в других странах. Количество находящихся в КНДР иностранцев сведено к минимуму, а их пребывание организовано таким образом, чтобы свести к минимуму любые неконтролируемые контакты между ними и местным населением.

Все нетехнические зарубежные публикации поступают в спецхран, где с ним могут знакомиться только те граждане КНДР, у которых оформлены соответствующие допуски. В конце 1960-х гг. в Северной Корее была проведена кампания по изъятию из открытых библиотек и частных собраний «идеологически неправильной» литературы и ее последующему уничтожению. В частности, тогда была физически уничтожена практически вся литература, изданная до 1945 г. и находившаяся в частных руках, а также значительная часть переводных текстов более позднего периода, в том числе и книги советских, китайских и восточноевропейских писателей, опубликованные в 1945–1965 гг.¹

Радиоприемники, производящиеся в КНДР, с 1960-х гг. не имеют механизма настройки и оснащены фиксированной настройкой на те частоты, на которых ведется официальное радиовещание. В случае покупки приемника со свободной

1 Park 2017.

настройкой (за границей или в валютном магазине) этот приемник необходимо сдать в полицию для блокирования настройки¹.

В последние годы северокорейское руководство постаралось модернизировать систему информационного контроля, принимая во внимание те угрозы, которые создает распространение цифровых технологий. В частности, в Северной Корее для частных лиц не существует доступа к «большому Интернету», хотя при этом они могут пользоваться общенациональным интранетом – сетью Кванмён, которая по своей структуре и технологии скопирована с привычного нам Интернета, но с ним физически не соединена².

После 2000–2005 гг. в КНДР получили большое распространение южнокорейские фильмы и телесериалы, которые ввозились контрабандно из Китая (сначала на видеокассетах, а потом – на видеодисках и *USB*)³. Чтобы затруднить использование компьютеров для просмотра подобных материалов и, шире, для распространения не одобренной правительством информации, с 2015 г. в КНДР начался перевод имеющихся в стране компьютеров на операционную систему «Пульгын пёль», которая является местным вариантом *Linux*. Одной из особенностей этой системы является то, что она не позволяет открывать аудио-, видео- и текстовые файлы, на которых нет цифровой подписи властей и которые, соответственно, могут содержать нежелательную информацию⁴. Это крайне затрудняет обмен видео- и аудиопродукцией иностранного происхождения, а также не прошедшими цензуру текстовыми файлами.

Факторы стабильности: ядерное оружие

Как уже было упомянуто, внешнее вторжение является одной из трех главных угроз, с которыми, по схеме Г. Таллока, имеет дело авторитарный режим.

В этой связи разработка ядерного оружия и систем его доставки оказывается важной частью мероприятий, направленных на сохранение существующего режима. КНДР начала работу над ядерным оружием еще в начале 1960-х гг. и все это время неуклонно продвигалась к своей заветной цели – созданию полноценных ядерных сил.

Создание ядерного оружия в первую очередь должно служить задачам сохранения режима. Даже теоретическая вероятность того, что в распоряжении руководства той или иной страны имеется некоторое количество ядерных зарядов (в сочетании с уверенностью в том, что руководство страны этими зарядами может реально воспользоваться) является эффективным средством сдерживания, то есть практически исключает любое иностранное нападение, равно как и открытое вмешательство во внутренний кризис. Понимание этого обстоятельства и определяет политику руководства КНДР по ядерному вопросу⁵.

1 통일부, “북한이해 (Understanding of North Korea),” accessed July 27, 2021, https://www.unikorea.go.kr/books/understand/understand/ebook/under_NK_2017/index.html#page=1.

2 Pinkston 2020, 81–82.

3 Kang Tong-wan, Pak Chŏng-ran 2012.

4 Williams 2019.

5 Обычно выделяется три обязательных условия успешной реализации политики сдерживания: 1) наличие у сдерживающей стороны соответствующего потенциала; 2) вера в реальность того, что этот потенциал будет использован; 3) возможность продемонстрировать оппоненту реальность угрозы. Как легко увидеть, политика КНДР по ядерному вопросу полностью соответствует этим критериям. См.: Paul 2009, 2.

В первом приближении северокорейская ядерная программа обеспечивает достижение трех стратегических целей.

Во-первых, ядерное оружие является средством сдерживания, обеспечивает безопасность режима, делая невозможной как прямую внешнюю агрессию, так и активное внешнее вмешательство во внутренний кризис. С точки зрения КНДР, именно наличие ядерного оружия является единственной надежной гарантией безопасности страны и режима.

Наиболее опасным для руководства КНДР в настоящее время представляется «ливийский сценарий», который предусматривает сочетание внешнего вторжения с внутренним кризисом. Как известно, в 2003 г. ливийский руководитель полковник М. Каддафи согласился свернуть ядерную программу в обмен на снятие с Ливии международных санкций. В 2011 г. в Ливии произошли массовые выступления против режима М. Каддафи. Хотя, судя по всему, на тот момент большинство населения страны выступало против его режима, у М. Каддафи было и определенное количество сторонников. Кроме этого, на его стороне находилась значительная часть силовых структур, в том числе и ливийской армии. В этих условиях М. Каддафи мог использовать преимущества регулярных вооруженных сил, а также господство в воздухе и подавить антиправительственные выступления. Однако подобный поворот событий стал невозможным в результате вмешательства стран НАТО, которые установили на территориях, являвшихся главными базами антиправительственных сил, режим «бесполетных зон». Это лишило сторонников правительства возможности использовать против революционных сил авиацию, что в итоге привело к падению режима М. Каддафи и его гибели.

Северокорейская печать не часто упоминает и о печальной судьбе М. Каддафи, но зато уделяет много внимания американскому вторжению в Ирак, трактуя эти события как прямое доказательство того, что Северной Корее необходимо сохранять и развивать силы ядерного сдерживания¹. Скорее всего, данная интерпретация (надо признать, вполне логичная) полностью отражает восприятие ситуации руководством КНДР.

Во-вторых, ядерное оружие служит важным инструментом дипломатии или, скажем прямо, дипломатического шантажа. По большому счету, именно наличие ядерной программы привело к тому, что КНДР – по сути, небольшая страна с микроскопическим экономическим потенциалом – играет непропорционально большую роль на международной арене. Неоднократно руководство КНДР извъявляло готовность пойти на определенные (иногда – тактические, а временами – и просто символические) уступки по ядерному вопросу в обмен на получение экономической помощи². Собственно, упомянутое выше «Рамочное соглашение» 1994 г. представляет собой типичный для КНДР компромисс такого рода: Пхеньян согласился приостановить свои работы над ядерным оружием в обмен на помощь, в которой на тот момент он остро нуждался.

В-третьих, в долгосрочной перспективе развитие ядерного оружия – в особенности в сочетании с межконтинентальными баллистическими ракетами –

1 "Foreign Ministry Spokesman Denounces US Military Attack on Libya," DPRK Foreign Ministry, KCNA, March 22, 2011, accessed August 2, 2021, <http://surl.li/abjnjn>.

2 Meer 2011, 53–66.

может сделать возможной нейтрализацию фактора американского военного присутствия в Северо-Восточной Азии. Речь идет о том, что, имея дело с Северной Кореей, которая теоретически может нанести ядерные удары по американским городам, в случае кризиса США могут и отказаться от решительных действий в поддержку своего южнокорейского союзника. Таким образом, в дальней перспективе руководство КНДР увеличит шансы если не на объединение страны на своих условиях, то по крайней мере на установление определенного контроля над действиями Южной Кореи.

Именно та ключевая роль, которую ядерное оружие играет в северокорейской стратегии выживания, обрекает на провал все попытки «решить ядерную проблему» – если, конечно, под «решением» понимать ядерное разоружение КНДР. В Пхеньяне вполне сознают, что сохранение ядерного оружия будет означать, что страна останется изгоем в системе международных отношений и будет испытывать серьезные проблемы при налаживании международных экономических связей. Однако бесспорная приоритетность вопросов выживания означает, что неизбежные негативные экономические последствия, к которым ведет существование ядерной программы, отходят на второй план.

Дополнительную роль играет, конечно, то обстоятельство, что северокорейская элита во многом защищена от наиболее суровых экономических последствий проводимой ею политики. Иначе говоря, даже в том случае, если международные санкции, являющиеся реакцией на ядерную программу, приведут к кризису, по масштабам сравнимому с катастрофой 1996–2000 гг., представителям элиты едва ли будет грозить голод – хотя, конечно же, престижное потребление им при этом придется ограничить. Это не означает, что элита совершенно равнодушна к страданиям простого народа. Однако вопросы благосостояния и даже физического выживания большей части населения является для лиц, принимающих решения в Пхеньяне, менее приоритетной задачей, чем обеспечение внешней безопасности и внутренней стабильности. С другой стороны, характер политического режима в КНДР делает руководство КНДР менее чувствительным к санкциям и экономическим формам внешнего давления – конечно, при условии сохранения высокого уровня политического контроля и информационной самоизоляции.

Факторы стабильности: дипломатия выживания

Немалый вклад в дело выживания северокорейской государственности на протяжении 1990–2020 гг. внесла и дипломатия. Впрочем, во многом Северной Корее просто повезло с ее международным положением – хотя это замечание, конечно же, не умаляет заслуг северокорейских дипломатов, которые этим везением виртуозно воспользовались.

Основой дипломатической стратегии КНДР всегда было манипулирование великими державами и игры на их противоречиях. С конца 1950-х гг. и вплоть до окончания холодной войны, то есть на протяжении почти трех десятилетий, северокорейская дипломатия с исключительным мастерством играла на противоречиях между Пекином и Москвой. Северная Корея ухитрялась получать заметную экономическую помощь (и прямую, и косвенную) со стороны обеих

соперничающих держав, не идя при этом на серьезные уступки ни Советскому Союзу, ни Китаю. По большому счету, северокорейская дипломатия добилась от своих богатых и влиятельных соседей того, что и Москва, и Пекин на протяжении нескольких десятилетий платили Пхеньяну просто за сохранение нейтралитета в советско-китайском конфликте.

Традиция игры на противоречиях великих держав была продолжена и в последующие десятилетия, когда главными объектами этой игры стали Китай, США и Южная Корея. По большому счету, только в 2017 г. Северная Корея на протяжении очень непродолжительного времени столкнулась с единым фронтом международного сообщества, в первую очередь – с единым фронтом Китая и США. Однако в настоящее время ситуация опять изменилась в благоприятную для Северной Кореи сторону.

Решающую роль в этом играет, конечно же, новое американско-китайское противостояние. На протяжении большей части своей истории Северная Корея подчеркивала свою роль стратегического буфера – зоны, в нейтральности которой заинтересованы все ее соседи. В настоящее время Китай заинтересован в буферной зоне около своих границ. Нестабильность в Северной Корее не входит в китайские интересы, так как она может привести к падению режима и объединению страны под контролем Сеула – причем объединенная Корея с большой вероятностью сохранит союзные отношения с США и, возможно, даже допустит сохранение на своей территории американских военных баз.

В этой обстановке китайское руководство, несмотря на ту неприязнь, которую в истекшем КНР испытывают по отношению к КНДР, и на неодобрительное отношение Пекина к северокорейским ядерным амбициям, оказалось в ситуации, когда КНР *вынуждена* оказывать Северной Корее минимальную поддержку и обеспечивать ее существование. В принципе, переход к этой стратегии намечался еще в 2005–2010 гг. и был связан в первую очередь именно с обострением китайско-американских противоречий. Однако сейчас, когда, похоже, начинается американско-китайская холодная война, стратегическая ценность Северной Кореи существенно возрастает – и это обстоятельство в Пхеньяне отлично осознают¹.

При этом надо помнить, что в Пхеньяне не склонны с излишним вниманием прислушиваться к советам и тем более указаниям, которые поступают от стран, казалось бы, являющихся спонсорами КНДР. В свое время, в шестидесятые и семидесятые, Северная Корея, сильно зависевшая от советской помощи, регулярно предпринимала действия, которые прямо противоречили интересам Москвы и вызвали немалое раздражение в Кремле и на Смоленской площади. Нет оснований думать, что в настоящее время ситуация изменилась. В Пхеньяне отлично понимают, что Китай поддерживает Корею не по идеологическим соображениям и тем более не из какой-либо симпатии, а исходя исключительно из своих интересов. Понимают там также и то, что Китай готов мириться со многими пхеньянскими эскападами, ибо для Пекина выгоды от сохранения статус-кво на Корейском полуострове в целом перевешивают те проблемы, которые

1 Zhao 2020.

создаются ядерными амбициями Пхеньяна и его склонностью к силовой, часто – прямо провокационной, политике.

Вместо заключения: цена успеха

Как уже говорилось, северокорейская автократия – режим семьи Ким – продемонстрировала исключительную эффективность в борьбе с той «триадой угроз», с которой сталкиваются авторитарные режимы.

Вероятность выступления низов (объективно весьма высокая в силу раздела страны и существования богатого Юга) нейтрализуется как эффективной работой полицейского аппарата, так и жестким информационным контролем. Контроль и цензура, в полном соответствии с положениями С. Гуриева и Д. Трейсмана, направлены на неэлитные слои населения и призваны создать у этих слоев впечатление об исключительной эффективности режима.

Вероятность заговора в рядах элиты снижается не только использованием традиционных для автократий методов контроля над аппаратом, но и специфической ситуации, при которой угроза поглощения богатым соседом заставляет элиту забывать о внутренних распрях. Дополнительную роль играет и то обстоятельство, что для автократий, являющихся по своему происхождению продуктами массовых революционных движений, как отмечал Ж. Лашапель, в целом характерно повышенное единство элит.

Наконец, вероятность смены режима в результате действий внешних сил резко снижается в силу наличия у КНДР ядерного оружия – абсолютного средства сдерживания.

Однако у политики выживания, которую столь успешно проводит КНДР, есть и обратная сторона. Эта политика во многом затрудняет или даже делает невозможным принятие многих мер, которые в долгосрочной перспективе могли бы привести к улучшению экономического положения и запустить механизмы экономического роста. В современном мире это выглядит несколько парадоксально, ибо мы привыкли к тому, что как популярность, так и, следовательно, стабильность того или иного режима – как демократического, так и авторитарного – в первую очередь зависит от его способности обеспечить населению приемлемый уровень жизни. Однако особенность северокорейской ситуации заключается в том, что вопросы экономического роста для элиты вторичны по сравнению с вопросами сохранения стабильности, которые, с ее точки зрения, являются, напомним, вопросами выживания и в силу этого имеют абсолютный приоритет.

Жесткий полицейский контроль над населением означает, что у элиты нет особой необходимости беспокоиться о поддержке снизу. Кроме этого, хорошо (или скорее интенсивно) работающий пропагандистский аппарат, поддержание в стране атмосферы «осажденной крепости» и эффективная система самоизоляции означает, что заметная часть населения страны будет поддерживать существующий режим вне зависимости от того, как обстоят дела в национальной экономике – просто в силу того, что этот режим будет восприниматься многими как гарантия сохранения государственности и нации. В стране нет сил, которые бы могли оказывать на политическую элиту давление, добиваясь от нее принятия мер, направленных на восстановление и развитие экономики страны.

Поэтому мы имеем дело с необычной для современного мира ситуацией – с государством, у которого соображения собственной безопасности практически полностью определяют и внутреннюю, и внешнюю политику. Судя по всему, эта ситуация едва ли изменится в обозримом будущем.

Это не обязательно означает, что Северная Корея обречена на то, чтобы на протяжении многих десятилетий оставаться крайне бедной страной со стагнирующей экономикой – хотя и такого сценария / развития событий исключать нельзя. Существует вероятность того, что Ким Чен Ын и его окружение будут проводить реформы, направленные на развитие рыночных отношений – конечно, сохраняя при этом и высокоэффективный репрессивный аппарат, и изоляцию страны, и ядерное оружие. Подобная политика реформ проводилась в 2011–2015 гг., хотя в последнее время эти реформы, поначалу весьма успешные, оказались приостановлены, а после 2020 г. – обращены вспять. Тем не менее северокорейское общество и государство устроены таким образом, что вопросы экономического развития в обозримом будущем будут оставаться вторичными и при первых признаках опасности для режима элита будет легко жертвовать экономическим развитием страны. К сожалению (не столько для внешних наблюдателей, сколько для большинства населения КНДР), в условиях разделенной страны подобная политика, с точки зрения элиты, является рациональной и не имеет альтернатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Frantz, Erica, and Natasha Ezrow. *The Politics of Dictatorship: Institutions and Outcomes in Authoritarian Regimes*. Boulder CO: Lynne Rienner Publishers, 2011.

Guriev, Sergei, and Daniel Treisman. "Informational Autocrats." *The Journal of Economic Perspectives* 33, no. 4 (2019): 100–127.

Guriev, Sergei, and Daniel Treisman. *How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of the New Authoritarianism*. Working Paper 21136. Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research, 2015.

Kang Tong-wan, and Pak Chŏng-ran. *The Korean Wave, the Wind of Unification*. Seoul: Myŏngmunhwa-sa, 2012.

Kihl, Young Whan. "U.S.–DPRK nuclear accord and KEDO." *Asian Perspective* 21, no. 2 (1997): 99–117.

Kim, Byung-Yeon. *Unveiling the North Korean Economy: Collapse and Transition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

King, Lawrence, and Ivan Szelenyi. "Post-Communist Economic Systems." In *Handbook of Economic Sociology (Second Edition)*, edited by Neil Smelser and Richard Swedberg. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.

Lachapelle, Jean, Steven Levitsky, Lucan Way, and Adam Casey. "Social Revolution and Authoritarian Durability." *World Politics* 72, no. 4 (2020): 557–600.

Lankov, Andrei, and Peter Ward. "Making Money in the state: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the early 2000s." *Journal of East Asian Studies* 17, no.1 (2017): 51–67.

Lankov, Andrei, In-ok Kwak, and Choong-Bin Cho. "The Organizational Life: Daily Surveillance and Daily Resistance in North Korea." *Journal of East Asian Studies* 12, no. 2 (2012): 193–214.

Lim, Wonhyuk. *The Anatomy of a Failure: The Geneva Agreed Framework of 1994*. Seoul: Korea Development Institute, 2004.

McCormack, Gavan. *Target North Korea: Pushing North Korea to the Brink of Nuclear Catastrophe*. New York: Nation Books, 2004.

Mearsheimer, John. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W. W. Norton & Company, 2001.

Meer van der, Sico. "Geopolitics and Nuclear Weapons: North Korean Provocations as a Tool for Regime Survival." *Studia Diplomatica* 64, no. 3 (2011): 53–66.

Park, Mihyang. "A Study on the Library Cooperation between South and North for the Unified Korea." *Journal of the Korean Society for Information Management* 34, no. 1 (March 30, 2017): 317–40. doi:10.3743/KOSIM.2017.34.1.317.

Paul, T.V. "Complex Deterrence: An Introduction." In *Complex Deterrence: Strategy in the Global Age*, edited by T.V.Paul. Chicago: The University of Chicago Press, 2009.

Pinkston, Daniel. "North Korea's Objectives and Activities in Cyberspace." *Asia Policy National Bureau of Asian Research* 15, no. 2 (2020): 76–83.

Svolik, Milan. "Power Sharing and Leadership Dynamics in Authoritarian Regimes." *American Journal of Political Science* 53, no. 2 (2009): 477–494.

Tullock, Gordon. *Autocracy*. Dordrecht: Springer Media, 1987.

Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. Reading, Mass: Addison-Wesley Pub. Co., 1979.

Williams, Martyn. *Digital Trenches: North Korea's Information Counter-Offensive*. Washington: HRNK, 2019.

Zhao, Tong. "China's Dilemmas over Stalled North Korean Denuclearization Talks." *Journal for Peace and Nuclear Disarmament* 3, no. 1 (2020): 157–162.

광명백과사전 (Kwangmyŏng Encyclopaedic Dictionary). 평양: 백과사전출판사, 2009 [In Korean].

양문수, 윤인주. «북한 기업의 사실상의 사유화 - 수준과 추세에 관한 정량적 분석 - » 통일연구20, no. 2 (2016): 45–88.

Moon Soo Yang, In Joo Yoon. "De Facto Privatization of North Korean Enterprises - A Quantitative Approach on Level and Trend - " *Korean Unification Studies* 20, no.2 (2016): 45–88 [In Korean].

채경희. "북한 인민반의 조직, 역할과 기능에 관한 연구." 예술인문사회융합멀티미디어논문지 7, no. 5 (May 2017): 809–19. <http://scholar.dkyobobook.co.kr/searchDetail.laf?barcode=4050026033539>.

Hee, Chae Kyung. "Study on the Organization, Role and Function of North Korean Inminban." *Asiapacific Journal of Multimedia services convergent with Art, Humanities, and Sociology*, 7 (2017): 809–819 [In Korean].

Сведения об авторе

Андрей Николаевич Ланьков,

к.ист.н., профессор Университета Кукмин, 77 Jeongneung-ro, Jeongneung-dong, Seongbuk-gu Сеул, Республика Корея.

e-mail: andreilankov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0876-880X

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 22 февраля 2021.

Переработана: 7 июля 2021.

Принята к публикации: 17 июля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Ланьков, А.Н. Северокорейское чудо: 30 лет выживания в условиях кризиса и изоляции //

Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (2). – С. 31–48.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-31-48>

North Korean Miracle: 30 Years of Surviving Crisis and Isolation

ABSTRACT

The article examines those factors that allowed the Kim family regime to stay in power in extremely unfavorable environment. In political science literature, it is generally accepted that an authoritarian regime faces three major threats: an elite conspiracy/coup, a mass protest, a foreign invasion. The article demonstrates that in the case of the DPRK, which is a much poorer part of a divided country, the potential threat of mass popular protests might be higher than in many other authoritarian regimes. However, the autocrat and his entourage successfully counter this threat by exercising an unusually thorough policy of informational self-isolation, further reinforced by strict administrative control and police surveillance. On the other hand, the ever present threat of Seoul-led "unification-by-absorption" strengthens the elites' unity and reduces the likelihood of conspiracies. This is important since elite conspiracies and coups have constituted the major

danger for post-1945 autocracies. North Korean elites understand that even a successful coup can eventually provoke the outbreak of popular discontent, followed by the collapse of North Korean statehood and German-style unification under Seoul's control. Under this scenario, conspiracy's winners and losers will perish alike, with all members of the current elite having little chance to retain their power and privileges. Hence, the elite has reasons not to "rock the boat." Finally, the threat of a foreign invasion (or foreign intervention into a domestic crisis) is successfully neutralized by the existence of a nuclear deterrent. Since the North Korean faces a grave existential threat which is created by the existence of the South, it is ready to sacrifice the economic development for the sake of political stability. Hence, the elite is willing to invest large resources into military programs and overlook the difficulties the self-isolation and other survival-oriented policies create for the economic development of the country.

KEYWORDS

Authoritarianism, regime stability, North Korea, Kim Jong Un, DPRK, nuclear weapons, deterrence

Author

Andrei N. Lankov,

Professor, Kookmin University, 77 Jeongneung-ro, Seongbuk-gu,
Seoul 02707, Korea.

e-mail: andreilankov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0876-880X

Additional information

Received: February 22, 2021. Revised: July 7, 2021. Accepted: July 17, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Lankov, Andrei N. "North Korean Miracle: 30 Years of Surviving Crisis and Isolation."

Journal of International Analytics 12, no. 2 (2021): 31–48.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-31-48>